

УДК 165+003.62

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-126-132

ЗНАК И СИМВОЛ

Горбачев Максим Дмитриевич

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)

В ситуации сосуществования противоречивых трактовок понятий знака и символа рассматривается ряд подходов к их различению, чтобы выбрать наиболее удачный. Перед тем как перейти к самим подходам, автор обращается к понятиям знака, смысла и значения и приходит к выводу, что одной из причин неясности соотношения знака и символа является следование за пониманием знака и значения у Фреге. Чтобы представить проблему вне его теории, определяется знак как не более и не менее чем то, в чем есть смысл, а также расширяется понимание значения путем введения понятия действительной ситуации. Затем указывается на то, чем знак или символ являться не могут, на основе анализа предложенных пониманий первого, а также особенностей категории смысла. В ходе рассмотрения различных подходов к различению знака и символа автор приходит к выводу, что наиболее перспективным из них является выделение особого символического смысла. Несмотря на то что и знак, и символ в случае, если их все же удастся разграничить, будут одинаковы на уровне самого наличия смысла, есть возможность выделения особого, символического смысла исходя из его глубины или возвышенности. Однако эти понятия туманны, поэтому необходимо сначала определить четкий критерий, позволяющий выявлять этот символический смысл среди прочих смыслов, не прибегая при этом к сужению понятия знака для искусственного создания символического в оставшемся после такого сужения пустом пространстве смысла.

Ключевые слова: знак, символ, смысл, значение, соотношение знака и символа, символическое.

A SIGN AND A SYMBOL

Maxim D. Gorbachev

Lomonosov Moscow State University (Moscow)

There exist rather contradictory interpretations of the concepts of sign and symbol. The author explores a number of approaches to their distinction in order to indicate the most appropriate one. Before proceeding to the approaches, the author turns to the concepts of a sign, sense and denotation, and comes to a conclusion that one of the reasons for the ambiguity of the relationship between a sign and a symbol lies in following the understanding of a sign and denotation provided by Frege. To study the problem outside of Frege's theory, the author defines a sign as nothing more or less than what makes sense, and also expands the denotation by introducing the concept of an actual situation. Then, based on the proposed understanding of a sign and also the features of the category of sense, it is indicated what a sign or a symbol cannot be. In the course of consideration of various approaches to the distinction between a sign and a symbol, the author comes to a conclusion that the most promising of them is the separation of a special symbolic meaning. Despite the fact that both the sign and the symbol, provided it becomes possible to distinguish between them, will be the same at the level of the very presence of sense, we see the possibility of distinguishing a special, symbolic, sense based on its depth or sublimeness. However, these concepts are vague, so the first thing to do is to define a clear criterion that would make it possible to distinguish this symbolic sense among other senses, without narrowing the concept of a sign in order to artificially create a symbolic sense in the empty space left after such a narrowing.

Keywords: sign, symbol, sense, denotation, relation of a sign and a symbol, symbolic.

Введение

В философии часто выделяют и разграничивают понятия знака и символа. Однако линия разграничения проводится по-разному, что приводит к появлению не только многих вариантов обоих понятий, что может вводить в заблуждение, но и противоречивых трактовок знака и символа. В этой работе делается попытка определить знак, а затем найти то, что может служить границей между ним и символом, опираясь на опыт других исследователей. Не исключается и то, что критерий для такого различения может показаться недостаточным для введения такого разграничения либо быть слишком неустойчивым и зависящим от исследовательских задач, чтобы считаться тем, что показывает принципиальное различие между знаком и символом.

Перед тем как перейти к рассмотрению потенциальных способов различения, нужно провести подготовительную работу с тем, что связано со знаком: смыслом и значением. Часто при использовании понятия «знак» опираются на концепцию Фреге [Фреге Г., 1997]. И, хотя с тем, что знак выражает свой смысл и имеет свое значение, можно согласиться, стоит, во-первых, прояснить суть смысла, а во-вторых, ввести более расширенное понимание значения. Так как при использовании его во фрегевском смысле мы сталкиваемся с бессмыслицей там, где смысл явно есть, но лишь из-за отсутствия в качестве значения материальной вещи бываем вынуждены признавать и отсутствие смысла.

Смысл — это один из видов воображаемого, которое, в свою очередь, есть нечто чувственно-сверхчувственное. Воображаемое противопоставлено сущему в мире, тому, что в нем есть [Гиренок Ф.И., 2012, с. 19]. Воображаемого, в отличие от воспринимаемого, в мире среди вещей нет, но оно есть для человека, и именно человек, воображая, создает воображаемое. Вообще говоря, смысл в чем бы то ни было полагает человек, в мире самом по себе нет никакого смысла. Стол в мире ничем не отличается от скалы, кроме формы, а человек, полагая и в том и в другом смысл, различает их как то, за чем сидят люди, у чего стоят стулья, и то, что, например, можно «покорить» или на что можно подняться, чтобы насладиться красотой вида. Итак, смысл — это воображаемое.

Значение мы будем понимать, в отличие от Фреге, не как вещь, но как действительную ситуацию, которая имеет место. В таком случае помимо того, что является значением у Фреге, им будет являться и то, что есть как воображаемое, а не воспринимаемое. Так, например, и стакан передо мной — действительная ситуация, и стакан, который я вообразил, — действительная ситуация. Если мы скажем, например, Шерлок Холмс не курил трубку, имея в виду того самого Холмса, то этому смыслу не будет соответствовать действительная ситуация (ведь он курил трубку); т.е. значения в этом случае не будет — лишь знак и смысл. То есть расширенное понимание значения призвано не для того, чтобы придавать его всем знакам, а избегать очевидной ошибки, которую приходится не замечать Фреге, заявлявшему о бессмысленности выражений, где знаку не соответствовало значение в его смысле, связанное с вещностью и телесностью.

Таким образом, знак мы определяем как то, в чем есть (положен человеком) смысл. В тех случаях, когда знак используется таким образом, что не отсылает к какой-то ситуации, как это обычно происходит с языком, он может совпадать с действительной ситуацией. Так, например, когда я вижу слона или воображаю какой-либо образ и полагаю в них смысл, они одновременно еще и знаки, так как в них есть смысл. Проблемы здесь не возникает, поскольку знаковость лишь указывает на происшедшее смыслополагание. Так, например, дорожный знак, предупреждающий об извилистой дороге, в одном случае отсылает нас к извилистой дороге впереди и мы сбрасываем скорость, а в другом — сам берется как действительная ситуация, если нас, например, интересует то, что есть дорожный знак в принципе.

Апофатика знака и символа

С учетом сказанного можно сделать первые шаги в апофатическом определении знака или символа, указав, чем они не являются. Так, например, изучить символ, в котором, хотя мы его еще не определили, исследователи, судя по всему, подразумевают смысл, не значит «рассмотреть вещь так, как она есть» [Мельникова И.В., 2006, с. 22]. Дело в том, что смысл, полагаясь человеком как воображаемое, которого нет среди вещей и в вещах, делает их именно тем, что они не есть. Так, человек по-

рой берет с тарелки не тот пирожок, который ближе к нему, а тот, который на него «смотрит», делая тем самым этот пирожок скорее тем, что он не есть, расширяя его реальность как вещи посредством воображаемого — смысла. Хотя любой пирожок, являясь вместилищем смысла, уже не есть то, что он есть как вещь среди вещей. Поэтому мы бы скорее согласились с Э.М. Спириной в том, что «символ выражает несобственный, неподлинный момент бытия объекта» [Спирина Э.М., 2007, с. 113].

По схожей причине спорными кажутся слова, что символы — чувственные знаки сверхчувственного [Ильин В.В. и др., 2012, с. 313]. Во-первых, смысл может полагаться не только в чувственном. Например, в образе. Во-вторых, если сверхчувственное мы понимаем как трансцендентное, то не совсем ясно, знаками чего являются символы. Однако мы допускаем, что автор имел в виду то, что мы называем чувственно-сверхчувственным, к чему и относится смысл. Если же говорить о значении, то ранее мы уже отмечали то, что оно может быть и тем, что воображаемо.

Итак, мы указали на основания возможности для чего-либо быть знаком, а также на то, чем знак или символ являться не могут. Но цель нашей работы предполагает в первую очередь поиск возможных линий различения знака, понятие которого мы обсудили выше, и символа. Приводимые нами примеры этого различения расположены в произвольном порядке и не иерархизированы. Кроме того, вследствие нашего понимания знака мы уже отвергли линию различения, исходящую из материальной природы значения знака, в противовес отсутствию такового у символа, который имеет дело с чувственно-сверхчувственным, так как значение мы понимаем шире, чем Фреге, и оно может быть воображаемым.

Плюрализм символического

Одним из частых способов разграничения знака и символа является указание на фиксированность первого и неустойчивость второго. «Символ создает перспективу для бесконечного развертывания вещи в мысли», — пишет Спирина [Спирина Э.М., 2007, с. 111]. Или, подчеркивая спонтанность символа: «...ведь в отличие от знаков символы рождаются и умирают» [Спирина Э.М., 2009, с. 207]. Однако в таких формулировках упускается то, что делает знак

знаком, а символ символом, — смысл. А смысл полагается, как мы уже говорили, человеком, который, в свою очередь, спонтанен. То есть полагание смысла совершается человеком не по запрограммированной необходимости, а в спонтанности, что делает даже ситуацию следования правилам языковой игры, которую можно было бы упрекнуть в искусственном появлении и фиксированности за этот счет, спонтанной, так как знаки или символы могут быть использованы в другом смысле. Да, есть знаки, смысл которых яснее, или те, которые часто употребляются в одном и том же смысле, но все они одинаковы в возможности полагания иного смысла. А если знак с отличным от предыдущего смыслом мы считаем новым знаком, то рождается и умирает он спонтанно. Конечно, мы часто понимаем друг друга и можем вкладывать в знаки такие смыслы, которые разделяются обществом, но это не умаляет способности знаков содержать иные смыслы. Более того, само смыслополагание фиксирует — хотя и лишь в рамках единичной реализации этого полагания — смысл, поэтому при таком подходе символом считаться могло бы только то, в чем никакой смысл сейчас не полагается.

С.В. Никоненко подчеркивает, что «символ сотворен... чтобы интерпретироваться различными способами» [Никоненко С.В., 2016, с. 50]. Но, как показывает В.П. Руднев, реальность смысла многомерна, в ней невозможно исключить интерпретационный плюрализм, как Никоненко предполагает это для знака [Руднев В.П., 2016]. Именно в силу многомерности даже обыденных смыслов люди спрашивают друг друга, что каждый из них хотел сказать, хотя оба они уже сказали. То есть если мы последуем за определением символа как того, что предполагает различную интерпретацию, мы потеряем знак, ведь все станет символом вследствие одновременного существования различных нарративов в рамках одних и тех же знаков. Иными словами, границу между ними провести вновь не удастся, так как любой знак не исключает плюралистической интерпретации и предполагает смысловую (или, следуя терминологии Руднева, нарративную) многомерность.

Синонимичность знака

Еще одна возможность отличить знак от символа иногда предполагается в принципиальной заменимости первого, в отличие от второго.

Так, Ю.М. Шилков утверждает, что «знаки можно заменять, исходя из целесообразности его использования в качестве средств общения» [Шилков Ю.М., 2010, с. 69]. Здесь мы видим две сложности. Во-первых, как мы указывали ранее, есть такие знаки, которые совпадают с действительной ситуацией, соответствующей полагаемому смыслу. Так, слон как вещь или образ является знаком, поскольку в нем есть смысл, но его замена едва ли положительно скажется на выполнении функции общения. Хотя такая замена и может быть произведена путем использования знака отсылающего. Так, например, сам Христос, которого многие полагаем мы, назвали бы символом, может быть заменен своим именем. И хотя значение и смысл в этом случае не изменятся, знак все же будет успешно заменен. Во-вторых, указанный пример и те случаи, когда заменить знак нельзя, говорят нам не более чем о том, что у знака нет адекватных конкретной ситуации синонимов, а не то, что замена невозможна в принципе из-за внутренней особенности самого знака. А это делает такую заменимость контекстуально зависимой, что говорит скорее о разных случаях использования знака, чем о выделении на его фоне символа. Нам представляется избыточным введение понятия символа для случаев, когда у знака нет адекватного коммуникативной ситуации синонима, так как при появлении такого символ становится знаком. А это появление зависит не от внутренней особенности пока еще незаменимого знака.

В контексте этого неудачного различения можно вспомнить слова Соссюра о том, что символы не до конца произвольны и символ, например, справедливости — весы — нельзя заменить на что угодно [Соссюр Ф., 1977, с. 101]. Однако весы, конечно, не единственный и не первый символ справедливости или правосудия, и для человека, который знает об этом, заменить весы будет возможно. Другое дело — невозможность на первый взгляд сделать символом справедливости что угодно. Хотя при втором взгляде можно увидеть, как минимум, одну возможность совершать такие подстановки. Так, например, в Египетской мифологии перо — один из символов правосудия. Это объясняется наличием крыльев у богини справедливости Маат. Но история демонстрирует нам богатство и разнообразие знаков — или символов — в мифологии, что наталкивает на мысль

об отсутствии необходимой объективной связи между тем, в чем именно полагается метафорический смысл, и самим смыслом. Вместе с тем всегда можно проследить некую естественную преемственность между тем, что наделяется метафорическим смыслом, и ситуацией, соответствующей этому смыслу. Это подводит нас к метафоре и еще одной возможной линии различения знака и символа — необходимости базисного смысла для последнего.

Метафора и отсылание

Судя по всему, метафора — это использование уже существовавшего знака в ином смысле и с иным значением, но с сохранением части его интенционала. Так, например, слово «волна» становится метафорой, если мы используем его для описания женщины. Смысл и значение изменяются, но часть смысла остается, благодаря чему можно проследить преемственность как указание на метафору: например, и волна, и женщина-волна накатывают на тебя, сбивают тебя с ног, ты можешь захлебнуться в них и т.д. То есть метафора и есть то, что требует уже бывшего смысла, а вместе с тем и знака, в котором этот смысл был положен. Но остается вопрос, можем ли мы сказать, что метафора или тот знак, который используется метафорически, и есть символ. Мы полагаем, что формулировки «метафорическое использование знака» достаточно и в качестве примера существования взгляда на символ как на то, что не требует того базисного смысла и знаковости, рассмотрим крест в христианстве.

Как пишет Н.Н. Ростова, крест — это не только кусок материи, но и то, чему «служат, кладут поклоны, молятся»; «его воспевают и целуют» и даже «обращаются “на ты”» [Ростова Н.Н., 2017, с. 118]. Действительно, мы видим серьезную разницу между двумя такими смыслами, но о ней скажем позже, а сейчас обратим внимание на то, что символический смысл креста совершенно необязательно требует предварительного вкладывания в него смысла изделия из какой-то материи. Представим, что Бог явился людям в виде сияющего креста, а до этого люди крестов нигде не видели. После явления люди начинают делать кресты, но смысл креста как изделия, куска материи будет в этом случае вторичным, так как в первую очередь крест — это Бог. Таким образом, смыслового базиса не требуют ни знак, ни символ, как их понимает

Ростова. В первом случае кресты были кусками материи в форме креста и до явления Божьего, а во втором — крест стал Богом до того, как стал куском материи. В таком случае различие знака и символа исходя из наличия базисного смысла кажется нам также избыточным.

Мы уже затронули вопрос метафоры, но существует подход к разграничению знака и символа на основании не обязательно метафорической отсылки. Причем приверженцы такого подхода называют порой символом противоположные вещи. Так, например, А.Ф. Лосев пишет, что символ «ничего не обозначает такого, чем бы он сам не был» [Лосев А.Ф., 1993, с. 876]. В этом он близок уже упомянутому Соссюру, хотя идет дальше и указывает не просто на наличие некоей естественной связи между означающим и означаемым в символе, о которой мы высказывались выше, но постулирует единство означаемого и означающего, накладывая тем самым на символ запрет к отсылке на нечто вне себя. Но в таком случае яблоко, взятое само по себе, а не как указание на дерево, с которого его сорвали, тоже символ. Тогда крест для религиозного человека то знак, то символ в зависимости от того, является ли он святыней сам по себе или отсылает к кресту, на котором распяли Христа. И ничто не мешает нам сказать, что есть знаки, отсылающие к чему-то вне себя, что, в свою очередь, тоже будет знаком, так как имеет смысл. А есть те, что сами являются той ситуацией, которая соответствует смыслу, который и делает эту ситуацию знаком. Как, например, стол передо мной есть и знак, и действительная ситуация. По той же причине мы не считаем оправданным использование символа как того, что, наоборот, указывает на нечто вне себя, как предлагает Спинова [Спинова Э.М., 2009, с. 205].

Здесь, в контексте отсылки, хотелось бы еще раз указать на то, что существует позиция, согласно которой знак, в отличие от символа, связан с вещью или «локалом» [Ильин В.В. и др., 2012]. Мы допускаем, что это вызвано фрегевским пониманием знака и значения, так как ранее мы продемонстрировали, что при толковании знака как содержащего смысл, без привязки к предметному значению, которая лишь приводит к ошибочным заключениям, мы будем вынуждены создать новую категорию для тех случаев, когда действительная ситуация, которая соответствует смыслу знака, находится в обла-

сти воображаемого — чувственно-сверхчувственного. Однако при предложенном нами толковании знака и значения такой необходимости не возникает. Кроме того, если следовать за Ильиным, получится, что христианский крест — знак, так как Иисус и крест предметны, а Шерлок Холмс Дойла — символ, что и нам, и, судя по рассмотренным ранее примерам, другим исследователям кажется сомнительным.

Символический смысл

Наиболее перспективным способом разграничить знак и символ, на наш взгляд, является различие знакового и символического смысла. То есть важны не различия в значениях или способах реализации смысла, которых недостаточно для введения понятия символа, как мы показали ранее, а в самих смыслах, в том, каковы они. Причем это разграничение может проводиться не необходимо между знаком и символом как не сообщающимися понятиями, но и как выделение символического смысла внутри знакового. В этом плане удачна идея, что всякий символ есть знак, но не всякий знак — символ [Ильин В.В. и др., 2012, с. 304]. Разные исследователи уже указывали на возможность выделения символа на основании особенности его смысла. Так, например, Ю.М. Шилков пишет, что «символы могут выражать предельную заинтересованность людей в чем-либо или в ком-либо, превращаясь в средства и формы их жизнедеятельности, которые начинают претендовать на уникальность, неповторимость, исключительность» [Шилков Ю.М., 2010, с. 69]. Однако такая формулировка не без некоторых сложностей. Например, в таком случае мы будем считать символом и Христа, и друга, и знамя, и любимый фрукт. Более того, предельная заинтересованность может зависеть от стремления к чему-либо, поэтому и символ может считаться символом только в те моменты, когда мы в нем действительно предельно заинтересованы. Но стоит ли ради подчеркивания заинтересованности или уникальности вводить понятие символа? Ведь знак может обладать разными смыслами; да и часто уникальность не предполагает заинтересованности и наоборот. Тем не менее предельность будто приоткрывает возможность выделения смыслов, обладающих некоей духовной глубиной.

Это эксплицирует С.В. Никоненко, говоря, что «путаница между знаками и символами ис-

чезает, если делать символ обобщением не чувственного, а возвышенного, или эйдетического, опыта» [Никоненков С.В., 2016, с. 52]. Из всех приведенных ранее способов различения знаков и символов этот, построенный на отличии символического смысла от знакового, кажется нам наиболее перспективным. Но именно перспективным, так как для проведения такой границы необходимо сначала обосновать различие смыслов. Никоненко, указывая на чувственный опыт, возможно, вновь пытается сыграть на разнице в значениях — воспринимаемом и воображаемом. Но если исключить нечувствительность как уникальное качество символа (если под чувственным опытом действительно понимается воспринятое), то мы должны указать на то, почему глубина смысла в какой-то момент не позволяет считать его смыслом среди других смыслов, а качественно возвышает его над ними. Важно, что сейчас глубина выглядит как некая иерархия, поэтому не хватает критерия, который позволил бы определить, насколько глубоким может быть знаковый смысл. Любимый фрукт, религия, флаг, любимая песня — в каких случаях глубина смысла достаточна, чтобы считать его символом?

Если же мы хотим сконцентрироваться не на глубине, которая подвержена градации и поэтому неудобна для искомого разграничения, а на возвышенности, то необходимо ввести критерий, позволяющий нам различать возвышенное и не возвышенное. Хотя вполне может оказаться, что возвышенность, скорее, также градационна. Конечно, часто мы интуитивно выделяем возвышенное, но это подходит лишь для повседневности.

Заключение

Действительно, иногда мы видим, что одни смыслы отличаются от других, являясь результатами разного опыта — возвышенного в одном из случаев [Ozlem Alp K., 2010, p. 1]. Но интуитивное различие совершенно не говорит нам о наличии реального разрыва, который бы уже не позволял нам считать нечто знаком с другим смыслом, но обнаруживал необходимость введения нового понятия для особых смыслов. Если и можно дать обстоятельный критерий, с помощью которого такой разрыв можно удостоверить, то, согласимся мы с Ильиным, будем выделять символы внутри знаков,

так как в символе есть смысл, а особого смысла мы знаку не приписывали.

Таким образом, судя по приведенным подходам к знаку и символу, знак часто намеренно понимают настолько узко, чтобы оставалась возможность для введения символа. Но если уйти от таких трактовок, так как они либо приводят к неверным заключениям, как в случае Фреге, либо неверны сами по себе, как в случае с мнимо полагаемой фиксированностью знака, то найти то, что как знак описать уже нельзя, будет непросто. Тем не менее, несмотря на то, что, если нам и удастся разграничить знак и символ, они будут одинаковы в самом наличии смысла в них, мы видим возможность в выделении особого, символического смысла, исходя из его глубины или возвышенности. Однако для этого необходимо сначала указать четкий критерий, позволяющий выделять этот символический смысл среди прочих смыслов, не прибегая при этом к сужению понятия знака для искусственного создания символического в оставшемся после такого сужения пустом пространстве смысла.

Список литературы

- Гиренок Ф.И.* Абсурд и речь. Антропология воображаемого. М.: Академ. проект, 2012. 237 с.
- Ильин В.В., Куренков И.О., Рамазанов С.О.* Символ и знак: сравнительный анализ // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 3. С. 303–314.
- Лосев А.Ф.* Вещь и имя // Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. С. 802–880.
- Мельникова И.В.* Реальность символа // Омский научный вестник. 2006. № 6(42). С. 21–24.
- Никоненко С.В.* К вопросу о соотношении символа и знака // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2016. № 3. С. 47–53.
- Ростова Н.Н.* Изгнание Бога. Проблема сакрального в философии человека. М.: Проспект, 2017. 432 с.
- Руднев В.П.* Новая модель реальности. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016. 224 с.
- Соссюр Ф.* Труды по языкознанию / пер. с фр. А.А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. 696 с.
- Спирова Э.М.* Знак или символ? // Знание. Понимание. Умение. 2007. №1. С. 110–114.
- Спирова Э.М.* Функции символа // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 2. С. 205–211.
- Фреге Г.* Смысл и значение // Фреге Г. Избранные работы. М.: Дом интеллект. книги, 1997. С. 26–43.

Шилков Ю.М. Символ и вымысел (о фикциональных возможностях символа) // Кантовский сборник. 2010. № 1(31). С. 68–74.

Ozlem Alp K. A comparison of sign and symbol (their contents and boundaries) // *Semiotica*. 2010. Vol. 2010, iss. 182. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1515/semi.2010.048>

Получена: 10.06.2021. Принята к публикации: 16.10.2021

References

Frege, G. (1997). [Sense and denotation]. *Frege G. Izbrannye raboty* [Frege G. Selected works]. Moscow: Dom Intellektual'noy Knigi Publ., pp. 26–43.

Girenok, F.I. (2012). *Absurd i rech'. Antropologiya voobrazhaemogo* [Absurdity and speech. Anthropology of the imaginary]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 237 p.

Il'in, V.V., Kurenkov, I.O. and Ramazanov, S.O. (2012). [Symbol and sign: comparative analysis]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge]. No. 3, pp. 303–314.

Losev, A.F. (1993). [Things and naming]. *Bytie. Imya. Kosmos* [Being. Name. Space]. Moscow: Mysl' Publ., P. 802–880.

Mel'nikova, I.V. (2006). [Reality of symbol]. *Omskiy nauchnyy vestnik* [Omsk Scientific Bulletin]. No. 6(42), pp. 21–24.

Nikonenko, S.V. (2016). [On the question of the relationship between sign and symbol]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya* [Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies]. No. 3, pp. 47–53.

Ozlem Alp, K. (2010). A comparison of sign and symbol (their contents and boundaries). *Semiotica*. Vol. 2010, iss. 182, pp. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1515/semi.2010.048>

Rostova, N.N. (2017). *Izgnanie Boga. Problema sakral'nogo v filosofii cheloveka* [The exile of God. The problem of the sacred in human philosophy]. Moscow: Prospekt Publ., 432 p.

Rudnev, V.P. (2016). *Novaya model' real'nosti* [New model of reality]. Moscow: HSE Publ., 224 p.

Saussure, F. (1977). *Trudy po yazykoznaniiu* [Works on linguistics]. Moscow: Progress Publ., 696 p.

Shilkov, Yu.M. (2010). [Symbol and fiction (about fictitious features of the symbol)]. *Kantovskiy sbornik* [Kantian Journal]. No. 1(31), pp. 68–74.

Spirova, E.M. (2007). [Sign of symbol?]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. No. 1, pp. 110–114.

Spirova, E.M. (2009). [Functions of symbol]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. No. 2, pp. 205–211.

Received: 10.06.2021. Accepted: 16.10.2021

Об авторе

Горбачев Максим Дмитриевич
магистрант направления «Философия»

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
119991, Москва, Ломоносовский пр., 27/4;
e-mail: mdgorbachevmsu@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8374-5889>
ResearcherID: AGD-7154-2022

About the author

Maxim D. Gorbachev
Graduate student in Philosophy

Lomonosov Moscow State University,
27/4, Lomonosovsky av., Moscow, 119991, Russia;
e-mail: mdgorbachevmsu@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8374-5889>
ResearcherID: AGD-7154-2022

Проблема ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Горбачев М.Д. Знак и символ // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 1. С. 126–132. DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-126-132

For citation:

Gorbachev M.D. [A sign and a symbol]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 1, pp. 126–132 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-126-132